

РАСПОТРОШЕННАЯ СКРИПКА

“Три сестры”. Режиссер Кристоф Марталер.
Театр Фольксбюне

Кристоф Марталер, немецкий режиссер швейцарского происхождения, любит вокзалы с их ожиданием, расставанием, надеждами на будущее и легкостью безвременья. Однажды в привокзальной гостинице Лиссабона ночью он услышал, как женщина, которой можно было дать и 18, и 80 лет, на расстроенном пианино невыносимо медленно играет Шопена. Тогда-то ему и захотелось поставить “Трех сестер”. Как спектакль о безвременье.

Художница Анна Фиброк представила дом Прозоровых в виде лестницы, на которой происходит бесконечное движение сверху вниз — этаким круговорот заедаемых средой в природе.

Марталер смеется под совковой ментальностью безвременья, начиная от аляповатых старомодных нейлоново-кримпленовых одежд героев и кончая карикатурой на никчемного интеллигента: в припадке раскаяния заложивший дом Андрей с безвольным пузом и спущенными подтяжками бросается чинить дверь, пока благодаря его стараниям та не вылетает окончательно.

Музыкальный лейтмотив спектакля — Шопен, сыгранный на инструменте, который расстраивается прямо по ходу игры, но музыкант упрямо не желает этого слышать. Герои Марталера тоже не хотят видеть очевидного. Жалуют об “уходящей” молодости (хотя давно уже постарели

окончательно), о военных, которых здесь отродясь не было и Тузенбах всегда ходил в гражданском. Уверяют совершенно седого Вершинина, что у него ни единого седого волоска.

Марталер в прошлом — профессиональный музыкант, и потому свой спектакль он строит как произведение для оркестра. Здесь основной теме — тексту — всегда сопутствует масса “аранжировок” и интермедий, создающих полифонию. Например, Андрей потрошит свою скрипку под рассказ о чехартме, а Кулыгин благодушествует (“Пусть поплачет”), глядя, как вчасос целуются старики Маша и Вершинин.

На днях Марталер должен получить одну из самых престижных премий “Европа — театру” за создание новой театральной реальности. Новая театральная реальность оказалась изошренно выстроенной, убийственно безжалостной, чуть затянутой, но смешной. А главное — абсолютно лишенной сентиментальности, романтики, и сочувствия к тем самым чеховским персонажам, которые за XX век вызвали столько высоких переживаний. Финальный жизнеутверждающий монолог Ольги режиссер убрал за ненадобностью, закончив спектакль саркастическим хихиканьем Феропонта над нелепой развязкой.

Ольга ФУКС.